

— Ну что, сынок, нечем платить нам за девятый класс,— печально произнес Борис Иванович, нервно поглаживая левой рукой парализованную правую.

— А ты, бать, не волнуйся. Поправляйся скорее. Переросток я уже, какой мне девятый класс,— успокоил Гриша отца.

— Да будь проклята эта война.

— Пойду в сельхозучилище. Там годовичные курсы механизаторов открываются.

Ах, как время быстротечно!

Сидит Григорий Борисович на скамеечке у стены собственного дома, на солнышке греется, любуется свежевскопанными, аккуратно

взбитыми грядками, готовыми принять семена и рассаду. Это сын постарался за выходные дни навести такую красоту. «Не справились бы мы с Машей с такой работой: девятый десяток нам уже, тяжело-то»,— вздохнул Григорий Борисович и поглядел на двух прилетевших грачей.

— Ишь, по-хозяйски как вышагивают. Клюйте, клюйте червячков, разрешаю,— произнес вслух хозяин и прикрыл глаза, подставляя лицо майскому солнышку.

Вспомнился ему март тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, когда окончил механизаторские курсы.

— Товарищи выпускники! Родина поручает вам ответственное задание: работу на целинных землях Казахстана,— торжественным голосом произнес секретарь райкома партии...

Деревенскому пареньку все было в диковинку: станция с названием «Красивая», небедный совхоз «Комсомольский», центральная усадьба и четвертая бригада, что базировалась на берегу огромного озера. До сих пор помнит Григорий Борисович его торжественное величие. А за озером — необъятные земельные просторы, уходящие к горизонту.

Стояли механизаторы шеренгой, слушали своего бригадира Богдана Даниловича. Неторопливо он рассматривал свидетельства об окончании курсов. Сердца у парней трепетали: кому, какой стальной конь достанется.

— Григорий Родин! Отличные оценки у тебя в свидетельстве. Молодец! По праву ты заслужил самый большой и мощный трактор «С-80».

И радостно было, и страшновато двадцатилетнему пареньку. Справится ли, оправдает ли надежды бригадира? Остальные механизаторы получили трактора «ДТ-54», «Беларусь», и только у него — «С-80».

Закипела работа: готовили плуги, бороны, сеялки, культиваторы. Наконец встал он, пахарь, со своим трактором у непокоренной земли. Всмотривался, прикидывал, с какой стороны начать работу. Знал секрет, а, может быть, это и не секрет вовсе. Вбил первый кол у края поля, зашагал вперед, пристраивая колышки один за другим, чтобы стояли ровно, как солдаты в строю. «По ним и буду ориентироваться»,— решил Григорий. Загудел мотор, ровно укладывалась в борозду за бороздой целинная земелька. Первый день работы, как первый экзамен. Остановил свой трактор, вышел из кабины, вытирая пот рукавом. Взглянул на вспаханную землю. Пар сизой волной поднимается. Горсть земли в ладони размял: мягкая, податливая, будто маслом сдобрена. Душа радостью наполнилась.

— Спасибо, сынок. Добрая вспашка,— похвалил подошедший бригадир.

Перебивали друг друга, урчали вдали моторы механизаторов. Друг перед другом хвалились парни своим трудом. «Да, с большим энтузи-

азмом работали», — прервал свои воспоминания Григорий Борисович, глядя, как уже стая грачей хозяйничала на грядках.

Вспомнились сурки и суслики. Они неожиданно выскакивали из своих вертикальных нор, разбегались по сторонам, услышав рокот мотора. «Ах, каналы! Затопчу ведь вас, — не выдержал Гриша и остановил трактор. У гусениц лежал суслик. — Бедолага, поранил я тебя, что ли? — взял зверька в руки, рассматривая его буровато-охристый окрас, рыжие пятна под глазами, рыжеватые щеки, приложил к суслику ухо. — Вроде жив, пойдем, отлежишься в кабине».

Только собрался сесть за руль, заметил пушистого сурка. Рыжекоричневый красавец стоял в двух метрах от кабины на задних лапах, сложив передние на груди. «Ты что, свою нору защищаешь? — изумился Григорий. — Ишь, какой упитанный, килограммов десять, небось, вешишь, не меньше. А ну, дуй отсюда, не мешай мне работать», — и громко захлопал в ладоши.

Широко улыбнулся Григорий Борисович, на душе потеплело. Вспомнил, как с Машей, медицинской сестричкой, познакомился... Пока пахал, изредка на суслика поглядывал, а тот лежал, не шевелясь, у ног. Рабочий день заканчивался. Заметил: зверек вдруг зашевелился, пытаюсь встать на лапки. Обрадовался: «Жив!». Схватил его — и за пазуху. Побежал в медицинский пункт. Там он и увидел голубоглазую красавицу. Оробел.

— Что болит? — строго спросила медсестра.

В ответ Гриша протянул ей пригревшегося на груди суслика. Смех девушки рассыпался звонким колокольчиком, но лапку она зверьку перевязала.

И опять грезится свежевспаханная, будто живая, земля, готовая принять в себя семя. Большая сцепка «С-18» к железному коню и целых пять сеялок, заправленных пшеницей.

— Поняй, Гриша. Поняй, сынок! — благословлял по-отечески бригадир-украинец.

«Не оплошать бы перед батькой Богданом. (Так почитали мы своего бригадира). — А в бригаде были парни разных национальностей. И все считали друг друга братьями. Не то, что нынче!» — будто с упреком в чей-то адрес с обидой обронил вслух Григорий Борисович.

«Земелька целинная благодарностью отзывалась на заботу человеческую, — снова потекли, словно ручеек, мысли. — Ждали, когда проклюнутся зернышки да появятся зеленые росточки. Прибежали однажды ранним утром с Машенькой к полю, а оно зеленым ковром покрыто. И небо голубое-голубое, будто обнимает его. Родовались первому колоску и молочному зернышку. Крепнет оно, силой наливаются, солнце да ветер помогают. Колышется поле золотой волною — дух захватывает от гордости: и я причастен к созданию этого богатства».

Вдруг сердце сжалось, тяжесть в груди почувствовал. Вспомнил ту

зловещую телеграмму, заверенную главврачом: отец умер. Толком не поговорил, не попрощался с девушкой любимой, домой помчался.

Не успел горе пережить, как повестка из военкомата пришла. В поселке Васково Архангельской области, где располагались части ПВО, принял присягу. «Торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, всемерно беречь военное и народное имущество», — вспомнив эти строки из воинской присяги, Григорий Борисович невольно спину выпрямил, плечи расправил, голову поднял. Служба была интересной и ответственной. Довелось обслуживать авиационную технику. Звание младшего сержанта присвоили, назначили командиром отделения за отличную службу. Гордился тем, что получил очередное звание старшего сержанта, а еще больше тем, что вступил в члены коммунистической партии, был назначен командиром взвода. «Значит, Родина меня ценила, и я ей служил верой и правдой!» — с гордостью подумал он.

Мечта вернуться на целинные земли Казахстана осуществилась раньше, чем думалось. Подходил к концу срок службы в армии. В начале осени из северных воинских частей был организован автомобильный эшелон на уборку урожая в Казахстане. «Счастье привалило мне, — засветились глаза от радостных воспоминаний, — назначили меня автоинспектором на маршруте, что вел в совхоз «Комсомольский», где я землю поднимал, где любимая меня ждала.

— Ты что так светишься? — заметил мое состояние капитан.

Рассказал ему подробно, как пахал, засевал казахстанскую землю, как пшеницу в закрома свозил, да как любимую пришлось в совхозе оставить. И спасибо капитану: все понял, проникся сочувствием, машину свою предоставил для поездки.

Сильно я волновался, когда постучал в дверь правления совхоза. Вошел, а за столом сидит мой бывший бригадир, Богдан Данилович. Сразу узнал. Обнялись. Принял, как дорого гостя. Еще больше волновался, когда поехали мы с ним в райком партии. Награда там ждала меня — медаль «За освоение целинных земель».

От воспоминаний о годах молодости да солнышка утреннего размлел Григорий Борисович, задремал. Полчаса прошло. Вдруг почувствовал женскую руку на плече. Взглянул — Маша улыбается, глаза лаской светятся.

— Гриша, делай бороздки на грядках, а то земля пересохнет. Буду сеять.

